

русский

пионер

РЕПОРТЕРСКАЯ
ПРОЗА

ГРУППА
РП

R&P

ПУСТЫННЫЕ

ЦЕНТРОПОЛИГРАФ

ГЕРОИ

PRESENTS

**Иван Охлобыстин
Бенни Брискин
Игорь Мартынов
Михаил Ефремов
Николай Фохт
Александр Рохлин
Дмитрий Филимонов**

Пустынные герои (сборник)

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6088788
Пустынные герои. Сборник литературных произведений:
Центрполиграф; Москва; 2013
ISBN 978-5-227-04400-6*

Аннотация

Перед вами литературный сборник, в который вошли произведения уникальных авторов. Никто из них не является профессиональным писателем, но то, что они пишут, интересно огромному количеству читателей, ведь все они очень известные люди. Взгляните на список фамилий – комментарии излишни! Представляем первую книгу серии. В нее вошли 18 текстов репортеров и колумнистов журнала «Русский пионер». Продолжение следует...

Содержание

Предисловие	5
Иван Охлобыстин	5
Андрей Колесников	8
Михаил Ефремов. Первая серия	9
1. Многоуважаемый буфет	12
2. Что-то с памятью моей стало	20
Иван Охлобыстин. Вторая серия	27
1. Как я был миллиардером	30
2. Бухло, бабы, поножовщина	35
3. Предназначение	42
Бенни Брискин. Третья серия	49
1. Пустынные герои	52
Конец ознакомительного фрагмента.	65

**Иван Охлобыстин,
Михаил Ефремов,
Дмитрий Филимонов,
Бенни Брискин, Игорь
Мартынов, Александр
Рохлин, Николай Фохт
Пустынные герои (сборник)**

© ООО «Русский пионер», 2013

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Предисловие

Иван Охлобыстин

Канонические вступления доверяют писать людям авторитетным, с положением, и этого, будем честны, было бы вполне достаточно, чтобы взяться за написание. Но у меня раньше не было нужного положения, и мне никогда не доверяли писать вступлений, и оттого я попросту не знаю, что обычно пишут авторы этих вступлений.

Наверное, они приносят «списочным» способом благодарности всем участвующим в создании сборника или книги. Я этого сделать не смогу, поскольку вступление получится больше, чем сам сборник. Томов на двенадцать.

Такое количество одаренных, противоречивых людей, такое количество сюжетных коллизий, пережитых в их окружении за долгие годы дружбы, задолго до создания журнала «Русский пионер», что, пожалуй, я и не решусь даже попытаться систематизировать все это.

Бездна. И нельзя найти в истории то место, про которое можно с полной уверенностью сказать: это началось...

Наверное, оттого, что настоящая дружба никогда не заканчивается. Меня в цех журналистики ввели старший Мостовщиков, родной Валерий Иванович Коновалов и гений

Яковлев.

Старшего мы потеряли на рубеже тысячелетий, но успел, как и пристало матерым, передать, что он выяснил о журналистике. Он это выяснил в тюрьме, где сидел за разбой, по моему. Оттуда по комсомольской линии – на самом деле за хорошую публицистику – его вывела судьба в редакции лучших столичных изданий. Был член партии. Не сожалел.

Писал он проникновенно, но безжалостно. И по отношению к себе тоже. На время нашей встречи ему было около шестидесяти, и он напоминал внешне шкипера с пятью «кругосветками». И он относился к тем людям, которым хочется исповедоваться, потому что они глубинно порядочны. Я не плакал так даже на похоронах собственного отца, и не стыжусь этого. Потому что старший Мост был милосерднее ко мне и несравнимо внимательнее.

Или Валерий Иванович Коновалов – первый в советской журналистике по сельскохозяйственной тематике. Это только звучит скучно. Валерий Иванович возвел эту неблагодарную тематику на уровень добротного английского романа и влюбил в нее сотни тысяч читателей газеты «Известия». И ему тоже хочется «все рассказать». Он, кстати, похож чем-то на учителя из фильма «Доживем до понедельника».

Что до Яковлева, то создание издательского дома «Коммерсантъ» – по сути новой эпохи издательского дела в России – было для него исключительно вопросом естествознания. Яковлев дарил читателю не рассказ, а гениального рас-

сказчика. Яковлев обратил сознание самого общения по другому принципу. Яковлев похож на Джонни Деппа (фильм «Из ада»). Говорят, он сошел с ума. Может быть. Но только в том случае, если сам этого захотел.

Вот от таких корней ведут свой род создатели сборника. Вот такое вступительное слово.

Остальное опытно. Остальное надо читать.

Андрей Колесников

Ярчайший автор журнала «Русский пионер» Иван Охлобыстин верно обозначил точки отсчета. Да, так оно и есть. Александр Мостовщиков, Владимир Яковлев... Но главное – сами авторы журнала. Эти громкие и тихие имена, собравшись вместе в «РП», принесли в очерковую журналистику что-то настолько мощное, что, рискну сказать, не то что изменило ее, а, наоборот, не дает ей измениться. Не дает измениться той журналистике, которая является ее лучшей и главной частью. Той журналистике, где разглядывание слова через лупу является неременным условием ее существования. Той журналистике, которая... Ну ладно, хватит! Коротко говоря, той журналистике, которая берет начало не то что от Александра Мостовщикова, а по крайней мере от Владимира Гиляровского.

Михаил Ефремов. Первая серия

У меня дома есть буфет, рядом с которым мы встречаем Новый год, рядом с которым многие побывали. Этот буфет видел рождение театра «Современник». Он еще стоял у моего деда и бабушки в комнате коммуналки на пересечении Староконюшенного и Гагаринского. Потом этот буфет стоял у Олега Николаевича Ефремова на кухне. Теперь у меня в гостиной...

АКТЕР ТЕАТРА И КИНО. ЗАСЛУЖЕННЫЙ АРТИСТ РОССИИ. СЫН АКТЕРА И РЕЖИССЕРА ОЛЕГА ЕФРЕМОВА. ПРАПРАВНУК СОЗДАТЕЛЯ НОВОГО ЧУВАШСКОГО АЛФАВИТА ПРОСВЕТИТЕЛЯ ИВАНА ЯКОВЛЕВИЧА ЯКОВЛЕВА. ПРИНИМАЛ УЧАСТИЕ В ПРОЕКТЕ «ГРАЖДАНИН ПОЭТ». ПРИНИМАЕТ УЧАСТИЕ В

ПРОЕКТЕ «ГРАЖДАНИН ХОРОШИЙ». СОТРУДНИЧАЛ
С ЖУРНАЛОМ «*Русский пионер*» В КАЧЕСТВЕ КОЛУМ-
НИСТА.

1. Многоуважаемый буфет

Как и говорил, ресторанный критик должен критиковать рестораны. Но, критикуя рестораны, он, ресторанный критик, то есть я – ресторанный критик «Русского пионера», должен находить что-то хорошее. Почему? Вот почему.

На днях я Верочку свою, четвертую по счету, шестилетнюю дочку, повел в художественную школу. Ввожу ее в класс, там почти никого нет, она начинает ставить себе мольберт. И там девочка тоже. Ну как девочка – преподаватель, лет двадцати. Так вот, эта большая девочка говорит мне: «Здравствуйте, я вас знаю». Ну понятно, узнала, это часто со мной бывает. Но она продолжает: «А я вот читала ваши статьи в «Русском пионере». Я прям возгордился. Но девочка не успокаивается: «Очень хорошие статьи. Только вы все время про пьянку пишете, лучше бы про что-нибудь хорошее». У меня же рубрика называется «Буфетчик», объясняю. Она: «А, ну понятно, – и на Веру показывает: – А это ваша внучка?» Тут я и понял, что надо про хорошее написать, не о пьянке. Про русский буфет. Потому что рубрика «Буфетчик» и потому что меня дедушкой назвали.

У меня дома есть буфет, рядом с которым мы встречаем Новый год, рядом с которым многие побывали. Этот буфет видел рождение театра «Современник». Он еще стоял у моего деда и бабушки в комнате коммуналки на пересечении

Староконюшенного и Гагаринского. Потом этот буфет стоял у Олега Николаевича Ефремова на кухне. Теперь у меня в гостиной. То есть такой буфет, много выдавший. Переживший многих. Может, и революцию. Хотя не знаю, когда его дедушка купил. Теперь и спросить не у кого. Хотя у сестры могу спросить. Но она на Бали. Как назвала меня преподавательница дедушкой – я сразу про буфет вспомнил.

Тем более тут у меня был буфет с большой буквы на телеканале «Дождь». Но про это не буду, это про пьянку. Про это лучше в рубрике «Прогул уроков» «Георгий Иванович» расскажет (он себя Васей не разрешает называть). Так что же такое русский буфет? Буфет – это в принципе шкаф такой, дома стоит, и оттуда ты вынимаешь графинчик водки... Буфет не массовая вещь, эксклюзивная – дома-то разные. Для него нужен большой дом, где есть гостиная и, значит, буфетная с буфетом. Гость сначала заходил в буфетную, рюмашку из буфета опрокинул, сальцем закусил – прошел в гостиную. Там встретился с кем надо, раскланялся. Дальше столовая – поели. Потом обратно в гостиную, затем в буфетную – на посошок еще водочки и поехал домой.

Буфет – это старинное, это спокойное, это традиция. Как «Боже, царя храни». Мне очень понравилось, как сказал Александр Градский (я видел это в программе телевизионной, когда все еще о гимне России спорили). Он сказал: «Какой гимн страны? Конечно, «Боже, царя храни». Потому что ведь его не пускают с самого утра каждый день, но все его

знают». И буфет – это такая же вещь, которая как бы изжита из обихода, но она все равно существует.

Но вот парадокс – в России буфетов нужно много, а их нет совсем. Я вот тут думал почему. Вот почему.

Человек русский, вернее, российский, в прошлом советский, в абсолютной своей величине нищ. И, конечно, большинство сейчас жрет дома. Просто не по карману в других местах. Или деньги на другое уходят, более важное. Как бы мы ни говорили, что мы средний класс, нет, мы – Москва, а это совершенно другое государство. В каких-то городах есть свои рестораны, но у нас к хорошему нет тяги, у нас тяга к быстрому. Нет тяги к закуске, есть тяга просто выпить да на улицу выйти, так дешевле.

У Чехова есть фраза, ее любит моя сестра повторять. Могу неточно процитировать, надо будет у нее потом проверить: «Необходимым условием личного счастья человека является праздность». Буфеты – это где-то там же, где праздность.

В советской нашей жизни были закусовые да рюмочные. Как бы общественные буфеты. Таких осталось совсем мало. Но появились новые, буржуазные.

Я знаю, есть хорошее место, «Русская рюмочная комната» (не знаю, работает ли она сейчас, но, по-моему, работает), в том переулке, где Театр юного зрителя. Вверху этого переулка есть тоже похожий на буфетную бар Noor, Зельмана и Демичева, где раньше было что-то типа бистро. Можно, конечно, приплести к буфетам «Кофе Хауз», но это не

совсем то.

Одна великая актриса рассказывала мне про Олега Даля. Он, когда работал в Ленинграде, провел ее и еще одну великую актрису по своему маршруту от Дворца культуры Первой пятилетки до гостиницы «Октябрьская». Короче говоря, по дороге они зашли в одиннадцать рюмочных. Утром Олег Даль, нависнув над великими артистками (они спали, разумеется, отсыпались в своем номере), длинными указательными пальцами тыкал им в лоб и приговаривал: «Теперь поняли, как плохо пить?»

Тогда можно было проследить маршрут жизни по рюмочным. В советское время буфеты были школьный, театральный (актерский и зрительский), закрытый, служебный. Теперь буфет-автомат. Верочка ходит и в музыкальную школу, которая в том же доме, где и художественная. И вот в музыкальной школе, а по-моему, и в художественной тоже, стоит такой автомат. Вере очень нравится покупать в таких автоматах. Она пряник любит покупать. Модернизация буфета. А ведь буфет – слово уютное. Маленький уютный кабачок любой будет уже буфетом. Как бы, кстати, мы ни относились к «Маяку», но «Маяк» в данной ситуации именно буфет, не клуб. Хотя зачем нам «Маяк»? Ведь есть гениальная шашлычная у Никитских Ворот.

Я раньше часто сюда ходил, жил рядом. Так что район мой. Эта шашлычная функционирует довольно давно, с начала девяностых. Но расцвела она, когда окончательно захи-

рел Кинотеатр повторного фильма. Кино перестали показывать, тем более повторять – и «Шашлыки и пиво» заработали. Уверен, есть взаимосвязь. Сюда переметнулся дух Кинотеатра повторного фильма: «Гений дзюдо», «Зеркало», «Разиня». Кто знает, тот поймет.

По ценам «Шашлыки и пиво» жестко отличаются от «Маяка». Тут кухня хорошая. Харчо хорошее. Шашлык бараний рекомендую. Хотя не скажешь, что специально для тебя приготовлено, но все качественно. Кавказская кухня, одно слово. Хотя непонятно, грузины тут работают или абхазы. А вот как правильно: абхазцы или абхазы? Чеченцы или чечены? Главное, что меню и технология отработаны годами. Или веками. Я почему-то думал, что шашлык – это кавказское изобретение. Нет! Удивился, когда первый раз в Израиле был. В Шаббат в Тель-Авиве на набережной этого шашлыка... На каждом углу стоит человек и картонкой над мангалом помахивает. Такой же шашлык, только, наверное, кошерный.

По поводу кошерных ресторанов. Когда мы были в Израиле, кузен жены, который учится в Йешире на раввина, пригласил нас в ресторан. Он, по-моему, назывался «Рива». Кошерный ресторан, рыбный. Конечно, я лопухнулся сразу. Шепотом (слава богу) у Сони, жены своей, спросил, нельзя ли креветок заказать. «Вообще забудь об этом, – прошипела она. – Не кошерно». Но там подавали такие рыбные закуски! Типа, французская кухня. В общем, очень мне понравился

этот кошерный ресторан.

Еще была закусочная, похожая на буфет, на Малой Бронной. Там сейчас гастроном «Алые паруса». У них у первых появились горячие бутерброды с сыром и колбасой. Я там опохмелялся раза три. Хорошее было место. Но оно не такое было, как «Шашлыки и пиво» у Никитских Ворот. Здесь можно посидеть, поговорить неспешно.

В Малом Ржевском, раньше улица Палиашвили, была гениальная чебуречная для таксистов. Там прошло мое детство. Там брали портвейн и чебуреки, 31 копейка – два. Меня всегда поражало: два чебурека – 31 копейка, а один чебурек – 16. Это были зачатки маркетинга. Все брали, конечно, по два чебурека. Там было харчо. Там были столики, там были таксисты.

В буфете хорошо обсуждать творческие планы. В буфете Дома кино я присутствовал при зарождении замысла клипа группы «Стрелки». Были лучшие операторы страны: Осадчий, Козлов, Опельянец, Мачильский и др. И один из продюсеров группы «Стрелки». Операторы ему рассказывали, как сделать клип дешево. Надо, мол, снимать на белом фоне, и там девчонки будут голые. В принципе голые, но ничего не показано. Руками-ногами прикрыто, чего нельзя показывать. Продюсер ушел, а операторы долго спорили, кому снимать. Кричали даже. В буфете, конечно, можно обсуждать творческий план типа «Аватара». Многобюджетный, грандиозный, с колоссальными инвестициями. Но только начать,

а потом – милости просим на «Красный Октябрь». А лучше сразу в Нью-Йорк. Вот там я посещал buffets. Не buffets, подчеркну, а bufety. Формально это рестораны, но по сути... «Русский самовар» и «Дядя Ваня». Они мне понравились. В легендарном «Русском самоваре» я был лидером дринок: шестнадцать дринок у меня было. Не исключено, что двойных.

Вообще bufety должны быть везде открыты, по всей России. Если страна примет мой вариант национальной идеи, то так и будет. Вариант прост: традиции, истоки, основы. Один из великих князей говаривал: веселье Руси есть пити (пити – не бараний суп, который имеется в «Шашлыках и пиве», а бухло). Если принять это как действительно национальную идею, то надо прекратить зарабатывать деньги на выпивке. Основной лозунг: час похмелья – позор обществу! На международной арене займем лидирующие позиции. Подпишем любые международные договоры. Но не выполним. Отмазка такая: бухие были! Это будет честно, без лицемерия. Гораздо свободнее станет на улицах, многие сопьются и умрут. Все-таки 140 миллионов – это слишком много для охраны углеводородов. Вполне хватит половины. Все деньги от газа пойдут на водку, все деньги от нефти – на водку. И она уже не продается, а насильственно навязывается, пропагандируется. Вот тут и пригодятся bufety – выжившие заинтересуются закуской. Недорогой, душевной. Приблизительно такой план.

Эх, преподавательница просила про хорошее, а меня все равно на пьянку вывело. Но это ведь и есть хорошее. Так или не так? Вот в чем буфет.

2. Что-то с памятью моей стало

В 1988 году я и сын известного театрального художника... я не помню фамилии, потом вспомню специально, но очень известного. И вот мы с его сыном пошли в Лувр и осмотрели его за час пятнадцать. Хотя у нас было два часа. Мы очень быстро его обежали: мы не толкали никого, но такое ощущение, что у нас были ролики или скейты. Только чуть-чуть тормознули около Моны Лизы – там было много японцев, пришлось потолкаться.

В 17.00 ровно мне назначил стрелку на Стрелке «Красного Октября» называющий себя моим духовным отцом, а на самом деле подстрекатель, демон, как считают моя мама и жена, Андрей Васильев, который и предложил этот поход. Причем он предложил поход так, что типа слабо. Я повелся на слабо, и мы пошли. Первой нам попалась «Стрелка». Сели за стол и заказали сначала пиво, потому что Васильев принес с собой воблу. Мы попросили разрешения разделать воблу, и нам принесли тарелку, мы разделали воблу, нам принесли пиво. Сначала предложили итальянское «Перони», но так как дураков нет пить итальянское пиво, принесли потом английское, темное, но не «Гиннесс», наполовину похоже на «Гиннесс». Как Москва-река из окна «Стрелки» на Темзу, как «Красный Октябрь» на лондонский Докленд. Как я – на артиста Гэри Олдмена. Такой Гэри Олдмен для бедных. Для

бедных, да.

Мы были достаточно трезвые, поэтому еще попробовали еду. Нужно было попробовать, чем кормят, не считая воблы, – все-таки ресторан, и мы заказали брускеты. И нам принесли такой рыхлый черный хлеб с помидорами наверху – я его помню еще по Туапсе, куда ездил с родителями в 1971 году. И тут дико захотелось есть.

Мы пошли в ресторан «Дом» есть рыбу с белым вином. Я в вине не разбираюсь – я все-таки не пью его часто, но ресторан мне запомнился. Там есть видеостена: то осень изобразят, то весну, то зиму, то лето. И мы выпили белое вино, неплохое достаточно. И рыбу съели. Ну рыба как рыба. Чистый сибас. И пошли дальше.

Попробовали зайти в «Афтепати» и «Глазурь», но они были закрыты, потому что не выходные и не ночь. Уже по названиям этих заведений понятно, для чего они созданы. И мне, как пожилому человеку, не очень удобно, что в них начинается вся жизнь основная где-то там с двух. Порок приходит туда с двух часов ночи до шести утра. Я пожилой человек, мне было бы удобнее, чтобы порок расцветал около семи вечера. И по будним дням желательно.

Как раз было часов семь, и выпить уже хотелось. Но мы попали в два заведения подряд, которые я даже по названиям не хочу вспоминать. В одном не было лицензии на алкоголь, а во втором вообще кондитерская! Корзиночки, эклеры, «Мартины»... И мы двинулись в «Роллинг Стоунз».

Первый наш вопрос был – не здесь ли встречался Медведев с рок-музыкантами? Нет, нам говорят, не тут. И мы увидели старинную прекрасную стойку, такую стойку, как будто ей семьдесят пять лет. А они говорят: мы пять лет работаем. То есть двойные стандарты. Но мы там выпили, по моему, по двойному бурбону и пошли в «Мао». Какая была логика зайти в «Роллинг Стоунз»? Такая, что если сразу в «Мао», то потом мы уже можем не вспомнить, как выглядит «Роллинг Стоунз». Или вообще про него не вспомнить. А это жалко. Потому что стойка там длинная, старинная, как должно быть, конечно. Олдовые рокеры такие, и с ними молодой президент.

Про «Мао» мне много хочется сказать, потому что родной ресторан, потому что хозяйка этого ресторана Таня Беркович мне близкий и родной человек. И еще потому, конечно, что мы сидели здесь со Стасом Наминым. Я помню начало разговора со Стасом Наминым, помню прекрасно. Я благодарил его, что он «Металлику» привез. И говорил, что жалко, что не прошла его идея с Лениным – покатать его по миру. В «Мао» вообще-то еда неплохая, она восточная такая. Что-то мы ели, наверное. Чего-то мы ели, но вряд ли. Потому что после «Роллинг Стоунз» есть уже не хотелось. И вообще, помимо всего хорошего, что есть в меню «Мао», самое лучшее, конечно, Таня Беркович. На Таню сюда надо приходиться! То есть не на Таню – я убью за Таню! – а к Тане.

Но мы все-таки ушли. В ресторан «Дадди террас», ко-

торый мы сразу назвали «Папкина веранда». Там действительно один из лучших видов на Москву-реку. Меня очень возбудили стулья, которые там находились. Они, по-моему, больше человеческого роста. Я даже вспомнил, как играл в спектакле «Привидения» с мамой, и там были вот такие здоровые стулья. «Папкин террас» хорош еще тем, что там меня научили пить самбуку. Пить-то я ее пил, но, оказывается, не умел. После того как выпьешь, надо вдыхать пары. Зачем это надо, я не знаю. Наверное, значительнее. Еще менее полезно для здоровья, но дает, наверное, то, что надо.

В ресторане Вася встретил Гулливера, они ушли по бизнесу тереть, а потом Гулливер за нас заплатил. Несмотря на то что у него сгорел «Дягилев». Кстати, по поводу оплаты. Мне кажется, это справедливо и правильно мы сделали, что, получив вперед гонорар вот за данный текст, весь его пропили в этом походе (автор пропивал гонорар за ресторанный критику из предыдущего номера журнала, она называлась «Травят честной народ». – «РП»).

Вот потом я не очень помню. Конечно, по логике действий мы должны были направиться в «Арт-Академию». Потому что этот ресторан возглавляют художники Митта, Дубоссарский и Виноградов. Ну, конечно, еще кто-то возглавляет, но я знаю только их. Женя Митта даже сделал декорации для моего спектакля по Андрею Платонову «Шарманка». В нем есть сцена испытания новых форм еды: каша из саранчи, котлеты из чернозема, березовый сок пополам с муравьиной

кислотой и укусу с махорочными крошками. Вот это все Женя сделал из надувных шаров и дыма. Но надо сказать, в ресторане еда гораздо лучше, чем в моем спектакле. На сто порядков лучше. Особенно мне нравится там щавелевый суп, потому что он там есть. А я очень люблю щавелевый суп. Просто не помню, ел его в этот раз или нет. А вот что помню, так это давнее обещание купить свой портрет у Виноградова и Дубоссарского. И я куплю его. Через прессу обещаю.

В клуб «Рай» мы попали, наверное, в самый разгул пороков. Я с самого начала надеялся, что он будет закрыт. И вообще считал, что в «Рай» надо только заскакивать: навестил – и привет. Я ведь был до этого в «Раю», трезвым, и познакомился с Гусом Хиддинком. А вот в этот раз не помню, что

там было. Может быть, я плясал, может быть, пел. Но вот на том диске, что записывала девушка Маша для вашего журнала, который мне потом дали, я услышал такие слова: «Это место для молодежи, но я не хочу, чтобы мои дети бывали тут». На вопрос: «Почему?» – я ответил: «Потому». На этом запись обрывается. И что было дальше, известно одному Васиному води телю.

Проснулся дома, и мои ощущения после этого похода – конечно, стыд. Ну, стыд как абстинентный синдром – это естественно. На самом деле мне нравится, что есть такое вот собрание ресторанов разных, и не в турецком супермаркете, а в таком странном местечке из красного камня, как Кремль. Потом узнал, будучи здесь в трезвом состоянии, что тут есть галереи, боксерский клуб, кинотеатры в этих самых штукаках. Более того, вспомнил, что сам здесь в каком-то месте принимал участие в премии «Инновации современного искусства». И вот сейчас пишу эти строки сразу после того, как зачитывал отрывки из рассказов Олега Кашина на телеканале «Дождь» – он тоже здесь находится. То есть тут вообще место-то культурное. В принципе, это место, помимо ресторанов, которые утлой моей голове и ушлой Васиной были нужны для ресторанной критики, гораздо интереснее во всем.

Нет, все-таки, поскольку я артист и режиссер, я к критике изначально отношусь нехорошо. А к ресторанам хорошо. И вот ресторан и ресторанный критик для меня – несоединимые две вещи. Рестораны я как бы люблю даже и плохие, это

нужное для людей дело и место. А вот критику ненавижу. Так что я лучше буду буфетчиком, потому что еще Грибоедов сказал: «Ну как не полюбить буфетчика Петрушу?»

P. S. Кстати, ни в одном из заведений, где мы были, буфетчиков по имени Петруша нету. Павлы есть, Евгении есть, Виктор. Петруши нет. А может быть, есть. Я не помню.

Иван Охлобыстин. Вторая серия

Водка – никогда не упоминаемый, но всегда присутствующий элемент любого уравнения квантовой физики...

РОССИЙСКИЙ АКТЕР, РЕЖИССЕР, СЦЕНАРИСТ, ДРАМАТУРГ, ЖУРНАЛИСТ И ПИСАТЕЛЬ. РОДИЛСЯ В ДОМЕ ОТДЫХА «ПОЛЕНОВО», В ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ. ЗА СВОЮ КИНЕМАТОГРАФИЧЕСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИМЕЕТ 17 НАГРАД ЗА ЛУЧШУЮ РЕЖИССУРУ, 9 НАГРАД ЗА ЛУЧШУЮ АКТЕРСКУЮ РОЛЬ И 21

НАГРАДУ ЗА ЛУЧШИЙ СЦЕНАРИЙ. ПИСАЛ РЕПОРТАЖИ В ЖУРНАЛ «СТОЛИЦА». РЕГУЛЯРНО ПУБЛИКУЕТ КОЛОНКИ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ В ЖУРНАЛЕ «*Русский пионер*».

1. Как я был миллиардером

Как-то я выиграл в дурака у арабского шейха Самира Аш-рафа Абдель Баки атомную подводную лодку. Несмотря на мое яростное желание владеть именно подводной лодкой, мне отдали деньгами. Тогдашний министр обороны чего-то так и не решился подписать. А я был полон эсхатологических устремлений. Я хотел подойти к Южному полюсу и нанести множественный ядерный удар в точку земной оси.

Кто мог предположить, что существуют гражданские атомные подводные лодки!

По моей научной версии, ядерный удар «под хвостик» планете помог бы нашей атмосфере мгновенно реабилитироваться и мы зажили бы по-новому. Правда, существовала опасность зарождения волны землетрясений по всей земной коре в девять – десять баллов. Но это недоказуемо, поэтому наплевать.

Я, наивный романтик, был уверен, что все земное сообщество вскладчину выкупит у меня мою научную мечту, а я приобрету маленькое государство в Европе и такое же маленькое в Южной Америке.

Но у министра обороны чего-то Самир не подписал и отслюнявил ассигнациями. Правда, за моральный ущерб дал вдвое больше.

Я его пытался отговорить:

– Самир, не пижонь. Здесь все свои. Папа тебе башку оторвет.

– Не оторвет. Я скажу, что у тебя женщину перекупил. В Дубае, у дяди Ясура. Из Швеции женщина. Без бороды.

– Где ты эту женщину из Швеции без бороды возьмешь?

– Уже. Она из меня веревки вьет. Буду жениться.

– Невесте эта история может не понравиться, и я рискую потерять друга, – засомневался я.

– Повторяю: невеста из Швеции. Мы с ней у Петлюры познакомились.

– Ну, если у Петлюры... Так понимаю – невеста не против гарема?

– Я ее люблю больше жизни. Она звезда моей души! Мечта моих детских снов!

– У тебя проблемы, толстяк.

– Я знаю, – грустно кивнул он.

Вот так мы обсудили результаты игры, сидя на ржавой площадке Бережковского моста душной ночью 1989 года.

Я поставил на кон прыжок с моста, Самир засомневался и поставил подводную лодку, которую папа на совершеннолетие вместе с остальными подарками на него переписал.

По прошествии двух недель на мои свежоткрытые счета, разбросанные по разным банкам мира, лег 1 миллиард 477 миллионов долларов. Напомню: шел 1989 год, банковское дело в России еще особо не прижилось. Пришлось месяц потратить на загранпоездки, оформление бумаг и дикий

банкет в Монако с представителями королевских домов этого курортного региона.

Тогда я учился на втором курсе института, деньги мне тратить было некогда: мы всем курсом ставили спектакль по книге Кена Кизи «Пролетая над гнездом кукушки» и параллельно шли экзамены. Тем более что по тем временам на родине меня могли за зонтик зарезать, а за два ярда¹ вообще распылить на атомы.

По приезду из Монако я тихо поручил одному энергичному товарищу Z, в прошлом офицеру СВР, купить на все деньги нефтяные вышки в том же Кувейте и, по факту заработка, вкладываться в одну южнокорейскую фирму, выпускающую магнитофоны. Товарищ Z прохладным сентябрьским утром подписал со мной на пыльном подоконнике лестницы во вгиковской общаге на улице Галушкина три-четыре бумажки с печатями и пропал на полгода. Через шесть месяцев он вернулся с новостью, что сделал, как я велел, и мы увеличили капитал еще на шестьдесят миллионов долларов. Товарищ Z застал меня в самый неподходящий момент – я похмелялся темным пивом «Портер» в беседке за павильоном «Рыболовство» на ВДНХ.

Меня тогда жутко томили неразделенные чувства к однокурснице, я собирался выдуть себе мозг картечью из двустволки и сердечно не был заинтересован заниматься деньгами.

---

¹ Ярд (*жарг.*) – на рынке Форекс – 1 миллиард долларов США.

«Не убежит», – печально решил я и поручил товарищу Z дальше вкладываться в новые вышки и новые южнокорейские фирмы по производству магнитофонов. Сказывалась тяга мальчишки с городской окраины к зарубежной эстраде.

К слову, от мысли подкупом завоевать сердце возлюбленной я сразу отказался, потому что обычно влюблялся как раз в идейных. Дурные деньги могли все, наоборот, усложнить.

Товарищ Z мудро распорядился имуществом и за три месяца присовокупил к уже имеющимся двум миллиардам еще четыре. Банковские выписки до сих пор служат растопным материалом в бане на даче у тещи.

В 1990 году сначала Ирак напал на Кувейт, потом Америка на Ирак, Ирак, покидая Кувейт, напоследок запалил все нефтяные вышки, и мои деньги черными клубами дыма растаяли в бирюзовом небе Ближнего Востока. Мало того, товарищу Z пришлось продать южнокорейские компании, чтобы покрыть расходы по тушению, сами вышки тоже продать, оплатить услуги юристов и прийти к сумме в один миллион долларов с хвостиком.

Я тогда снимал свой дипломный фильм «Разрушитель волн» в Махачкале со своим другом оператором Михаилом Мукасеем. Товарищ Z, дожидаясь нас в Москве, пошел в казино «Метелица», где за два дня проиграл оставшиеся деньги, после чего утопился в Покровско-Стрешневском пруду. В том районе, по-моему, жила его мама. Порядочный дядька был, тайный орденосец, но странно закончил.

Миша Мукасей, единственный на Земле человек, кроме товарища Z, знавший все о моей финансовой ситуации, сказал так: «Вообще-то плакать надо, но ты такой человек, что оно, может, и к лучшему».

Я с ним согласен. По прошествии стольких лет я уже трезво осознаю, как милосердно и вовремя Небо ожесточило мое сердце к биржевым утехам и инвестиционным актам.

Но самое главное я все-таки из этого мимолетного опыта извлек: я знаю, что думают двадцатичетырехлетние миллиардеры в рваных джинсах и стоптанных кедах о жизни в целом и о себе в частности.

Вот где демонические чувственные экстазы и ангельские умильные фантазии!

Колкая, как клинок рапиры, гордыня и роковая обреченность на одиночество.

И еще я знаю, что нужно говорить швейцару «Мартинеза», когда заходишь в отель со стороны набережной Круазетт в три часа ночи в одних плавках, с окровавленной лыжной палкой в одной руке и початой бутылкой «Джека Дэниелса» в другой.

Ему нужно говорить: беги!!!

P. S. Уверен: по поводу лыжной палки меня поймут все, побывавшие в подобных жизненных обстоятельствах.

2. Бухло, бабы, поножовщина

Водка – никогда не упоминаемый, но всегда присутствующий элемент любого уравнения квантовой физики.

Каждый раз, когда я проезжаю мимо сияющих чистотой витрин магазинов «Ароматный мир» или «Мир виски», губы мои невольно складываются в нехорошую улыбку, схожую с улыбками владельцев пикейных жилетов при виде автомобиля Адама Козлевича в бессмертном произведении Ильфа и Петрова. Не то чтобы я имел какие-либо претензии к объектам вожделения дипломированных сомелье или проявлял высокомерие к записным пьяницам, отнюдь: весь испытываемый мною комплекс чувств относится только ко мне и к моим противоречивым, хоть и, не скрою, теплым отношениям с главным компонентом всего спектра алкогольных утешений – спиртом.

Прежде всего надо отдавать себе отчет, что настоящее удовольствие от алкоголя получаешь только на стадии отравления. С этого знания, наверное, и следует начинать ознакомление детей с предстоящим большинству из них испытанием. Дальше я бы открыл сюжетную схему вышеупомянутого: бухло, бабы, поножовщина. Все остальные предлагаемые интриги – суть облегченные, для дам и интуристов, варианты первой.

Мои отношения с Бахусом начались довольно поздно, но

развивались стремительнее сексуальной интриги половозрелого бабуина. В двадцать пять лет я понял, что пора пить, иначе придется забыть о карьерном росте и новых знакомствах. Пили все, пили всё, пили всегда. Пили поодиночке, пили компанией, пили заочно. Как человек обстоятельный, прежде чем броситься с головой в бездну оголтелого пьянства и сопутствующих ему безобразий, я провел ряд клинических исследований в поисках идеального напитка.

Разумеется, я прошел путем, проторенным моими великодушными предшественниками: водка «Столичная» у таксистов, спирт «Рояль», водка «Абсолют» во всех ее ипостасях, водка «Финляндия» во всем ее многообразии, ну и текила, ром, виски, коньяк, сливовица, граппа, абсент. С последним сложились особенно трогательные отношения. По прошествии определенного времени с любезной помощью старших товарищей, искушенных в поставленном вопросе, я ознакомился с лучшими образцами мирового виноделия и пришел к убеждению, что в силу своей толстокожести я буду только оскорблять этот вид продукта его употреблением. Пиковый результат достигался неимоверно долго, с ощутимым вредом для пищеварительного тракта, вкус поражал своей схожестью со вкусом скисшего сока, чем, собственно, вино и является. Образно говоря, не пер я на дизеле.

С коньяком, при всех его неоспоримых преимуществах перед вином, тоже как-то не сложилось. Хотя я возлагал на коньяк немалые надежды. Тут вся неувязочка в том, что у

коньяка прекрасный послужной список, он, как женщина, требует обязательств, а это плохо соотносится со сверхидеей самого алкоголя. Однако не скрою своего умиленного восхищения при наблюдении за процессом приятия коньяка людьми, что-то смыслящими в нем. Эти трогательные тисканья в ладони полупустого бокала для нагрева пьянящей субстанции, это обонятельное проникновение обладателями здоровых гайморовых пазух, эта забавная осведомленность о марке коньяка и годах выдержки. Для меня отчего-то над процессом презентации коньяка всегда витает дух Валерии Новодворской с ее принципиальным неприятием текущей реальности и готовностью берсеркера² к борьбе с представленным на тот момент режимом. Иначе выражаясь, тупит коньячок при ускорении на обгоне.

---

² **Берсерк** или берсеркер – древнескандинавский воин, посвятивший себя богу Одину.

РОССИЙСКАЯ
ВОДКА

ТУ 18 / 195-67

Был у меня случай: мой лучший друг – человек совершенный во всех отношениях, включая финансовые, манил меня купленной на аукционе бутылкой из подвалов Буонапарте. Когда же я узнал, что в моем бокале плескается стоимость пятой модели БМВ, мною овладела безысходная троцкистская тоска и тяга к изменению государственного строя. А нам, Охлобыстиным, такие чувства испытывать ни к чему. Державники мы, поелику нам всегда было чем заняться. Не скучаем. Да-с!

Вот, например, сливовица скучать не дает. Помню, шаршили американские свободолюбцы ракетами по мирному населению тогда еще Югославии, и я на паях с шестым каналом снимал Пасху в кафедральном соборе Белграда. А под утро пошли на местное телевидение «перегонять сигнал», очередь за съемочной группой из Германии заняли. Чувствую, часа два мы здесь прокукуем. Предложил своей съемочной группе немцев предупредить и пойти раки (сливовицы) употребить. Оператор наш, за ночь страха натерпевшийся, тут же согласился, а директор, наоборот, речь о гражданской ответственности затеял. Плюнули мы с оператором на какую-то дополнительную ответственность, в Уголовном кодексе не прописанную, а оттого и никаких романтических ассоциаций у нас не вызывающую, немцев предупредили и пошли искать, где нам поблизости раки нальют. Директор покобенился и за нами поплелся. На соседней улочке нашли кафе, заказали у старика-официанта по сотенной на брата,

но выпить не смогли, расплескали, потому что в здание телевидения ракета угодила и смела это здание в пыль, вместе с немцами. Хотя не уверен. Когда я с главным немцем сговаривался, он тоже сливовицей заинтересовался. Смекалистый народ эти немцы.

Кальвадос, опять же, выбор Джона Грея, у которого Мэри была всех прекрасней. Не напиток, а книжка-раскладушка про жизнь смелых и красивых людей. Не могу ничего отрицательного припомнить в связи с этим напитком. Одни «анкл бенс» и «бесаме мучо». Как-то пожалел он меня. Ан нет, было! В совсем юном возрасте я, вдохновленный им и распирающими меня надеждами на счастье, въехал на мотоцикле в метро. Лихо проскочил турникет мимо визжащих старушек-контролеров, прогрохотал по ступеням невысокой благо лестницы и лихо соскочил на рельсы, где толком покататься не удалось – поезд дорогу перегородил и на плечи дежурный милиционер прыгнул с нелепыми криками. Эх, глупая, но искренняя юность!

Но при этом выпади мне возможность изменить прошлое, стал бы я менять? Да ни при каких обстоятельствах! Что бы там ни было, но я такой, потому что это было. Эффект бабочки. И пусть шрамы от хмельных переделок испортили мне татуировку на левом плече, колотая клюшкой для гольфа правая ключица перед грозой посасывает, до полусотни раз сломанная переносица не дает в полной мере насладиться любимым букетом «Полуночной мессы» Этро, а самодер-

жец одной карликовой державы до сих пор держит на меня обиду за попытку помыть его в одежде в ванной комнате «Карлтона» (но это было выше моих сил: самодержец был вылитый Ипполит из «Иронии судьбы») – пусть всё-всё против, но двести пятьдесят граммов водки, махом выпитые когда-то моей возлюбленной, не позволили ей разглядеть меня толком, и я пятнадцать лет счастливо женат, а этого мне вполне достаточно, чтобы реабилитировать настоящий алкоголь.

Тем более что я выжил, чего нельзя сказать о Леше Саморядове, Саше Соловьеве, Толе Крупнове, Никите Тягунове, Наде Кожушанной, Пете Ребане, Владе Галкине и еще сотне-другой бесконечно талантливых молодых еще людей. Но это жизнь. Помните, в «Мостах округа Мэдисон» один из главных героев задает вопрос: «А что случилось дальше?» Другой главный герой отвечает ему: «А дальше случилась жизнь».

3. Предназначение

При воспоминании некоторых событий прошлых лет не оставляет ощущение, что это происходило не со мной, что все это – не более чем тревожное сновидение или навязчивая фантазия. Однако жизнь превосходит любую самую изощренную фантазию и преподносит нам столь невероятные сюрпризы, о которых и рассказать-то толком невозможно, не рискуя быть обличенным во лжи и сомнительных преувеличениях. Но тем не менее...

В 1999 году мне пришлось находиться на Балканах в составе телевизионной группы ныне уже не существующего канала ТВ-6. Поездка изначально носила рискованный характер, поскольку страну, куда мы приехали снимать Пасху Христову, бомбила Америка, обеспокоенная появлением новой европейской валюты евро. Однако все члены нашей съемочной группы были люди мужественные и не считали эту бомбардировку достаточной причиной игнорировать свои профессиональные обязанности. Небо было к нам милосердно: отсняв необходимый видеоматериал, мы пошли «перегонять сигнал» на местное телевидение и вышли оттуда за десять минут до попадания ракеты, сровнявшего половину здания телецентра с землей. Собственно говоря, вышли из-за моего непреодолимого желания хлопнуть стопку раки. И по совершенно очевидным причинам банкет про-

должился до глубокой ночи, хоть и начался в пять утра. Мало того, ближе к полуночи директор нашей съемочной группы, в прошлом известный столичный букинист Аркадий Ш., как-то очень мотивированно предложил съездить за двести километров от города в православный монастырь. Аркадий был не только горазд на выдумки, но и фантастически последователен – к двум часам ночи мы уже ехали на старом «джип-чероки» в сторону обители. Наш водитель, из местных, честно доставил нас под монастырские стены и уехал. Когда пурпурные огоньки поворотников его автомобиля последний раз моргнули далеко за поворотом, мы с Аркадием осознали, что не оговорили время, когда водитель за нами вернется. Да, совсем забыл упомянуть, что благочестивый порыв некрещеного букиниста-еврея разделил только я, а оператор с администратором остались в ресторане. Так что перед закрытыми монастырскими воротами оказались только мы вдвоем. На небе висела почти полная луна, вокруг стояла такая тишина, что уши закладывало и приходилось зевать.

Неожиданно неподалеку, через лесок, что-то звонко ухнуло, потом то ли запела, то ли закричала женщина и кроны дальних деревьев озарила вспышка. Аркадий мудро предположил, что в деревне неподалеку свадьба и нам могут быть рады. Холодало. Во всяком случае, так казалось.

Освещая себе дорогу экранами мобильных телефонов, к слову сказать бесполезных, поскольку сигнал отсутствовал,

мы побрели на звук. Действительно, вскоре мы наткнулись на изгородь, окружающую крупную двухкорпусную постройку – что-то наподобие хоздвора. Жилой дом стоял чуть поодаль, и в нем явно происходили какие-то необычные события. То раздавался хохот, то кто-то по-звериному скулил, то чем-то металлическим колотили в стенку.

Мы перелезли через забор и уже было зашагали к дому, как я заметил, что на металлической балке, протянутой между постройками, висит мертвое тело. Я указал на него Аркаше, и мы тихо подошли ближе. Тело принадлежало десяти – двенадцатилетнему мальчику с разбитым в мясо лицом. На его правой руке не было трех пальцев, и, судя по свежей крови под телом, ребенок умер не так давно. Мы не успели, собственно, даже испугаться, потому что хлопнула входная дверь в жилом доме и двое хохочущих мужиков в камуфляжных куртках вытащили на улицу кричащую женщину лет тридцати. Они доволокли несчастную до лавки у забора, бросили ее туда и принялись рвать на ней одежду. Не знаю, где и как Аркаша успел найти в кромешном мраке вилы и лопату, но через минуту букинист перерубил этой лопатой одному из насильников позвоночник у основания черепа, а мне пришлось второму, с омерзительным хлопом, вставить под подбородок вилы и, как сноп размокшего сена, скинуть с женщины на землю. Видимо, женщина находилась в шоке, она даже не предпринимала попыток встать на ноги и с ужасом молча таранилась на нас. Я жестом ей приказал мол-

чать и обыскал дохлых насильников. На поясе одного я нашел нож марки «Кабар» с антибликовым покрытием (такие очень популярны в войсках НАТО), у второго я нашел зажигалку и пачку сигарет «Кэмел» без фильтра, которые тоже, кстати, есть в натовском пайке. Пока я обыскивал покойников, Аркаша подобрался к одному из освещенных окон и заглянул внутрь. Через какое-то время он показал мне три пальца и кивнул на свежие трупы: мол, еще трое таких же. Я тоже заглянул в окно. Увиденное шокировало: за большим обеденным столом сидели шесть человек, трое из них были мертвы: пожилой мужчина с простреленной головой, голая девушка с синим лицом и проводом от зарядного устройства на шее и еще юноша лет восемнадцати с большим кровавым пятном на светлой рубашке в области груди. Там же, мало смущаясь присутствием мертвых тел, пировали трое подонков в точно таких же, как и у их друзей, камуфляжных куртках. В комнате грохотала музыка, и вряд ли они слышали шум на улице. Аркаша показал пальцем на стоящие у телевизора в глубине комнаты охотничьи ружья. Я отдал гластому букинисту нож, себе оставил вилы, и мы пошли в дом. Уже не помню, кто из нас шагнул в комнату первым. Помню, как сидевший ближе остальных преступник обернулся, и мне пришлось в его открытый рот воткнуть вилы. Удар оказался такой силы, что вилы застряли у него в голове и я с трудом, при помощи ноги, извлек их оттуда. В то же самое время букинист умело шинковал ножом другого поделыщи-

ка, метнувшегося к ружьям. Куда делся третий, мы сразу и не поняли. Видимо, воспользовавшись шумихой, он выскользнул в одну из дверей. Аркаша поднял одно из ружей и констатировал, что оно не заряжено. Патронов рядом нигде не оказалось. Очевидно, они где-то были, но где именно, выяснить у нас времени не было.

В глубине дома хлопнула дверь. Мы тут же побежали на звук и обнаружили, что из дома во двор ведет еще одна дверь. Чья-то тень скользнула вдоль изгороди у самой кромки леса. Мы бросились туда. По дороге нашли две косы, прислоненные к стене дома. Я тут же отбросил вилы, погнутые крепким черепом, и взял одну. Аркаша последовал моему примеру. Так, с косами, мы и вошли в прохладный лес. Аркаша показал на полоску примятой травы, петляющую между деревьями. И началась погоня.

Если события до этого напоминали набор резких, ярких вспышек, то размеренный марш с косами наперевес по ночному лесу походил на эпизод голливудского триллера. И я, и мой друг были в довольно дорогих костюмах, за все это время мы не обмолвились ни единым словом, на ходу, также молча, выкурили по сигарете из пачки, найденной мною в кителе насильника. В душе царил неестественный покой, и света луны, проникающего сквозь кроны деревьев, было достаточно, чтобы видеть след. Что еще запомнилось – за нами бежали две собаки. Бежали, не издавая ни единого звука, словно были движимы тем же роковым духом, что и мы.

Беглеца мы настигли через час, перед самым рассветом. Преступник, довольно молодой мужчина, но уже седой как лунь, стоял неподвижно посреди шоссе в нескольких километрах от того места, где мы начали его преследовать, смотрел в какую-то точку перед собой и бормотал нечто бессвязное. Мы вышли на пустую дорогу и стали к нему приближаться – он даже не обратил на нас внимания, – окружили беглеца с двух сторон, деловито примерились косами и в три-четыре взмаха, с упоением, разделили его на куски. И только когда следовавшие за нами псы поволокли отрубленную правую руку обратно к лесу, нас словно разбудили.

– Давай ребятам рассказывать не будем, – осторожно предложил Аркаша, откидывая в сторону окровавленную косу.

– Да, могут не понять, – последовал его примеру я.

В город мы вернулись ближе к полудню. Сначала довольно долго шли пешком, потом нас подбросил грузовик, перевозящий то ли молоко, то ли кефир. Не важно. Гораздо важнее были те чувства, которые мы испытывали, вспоминая события прошедшей ночи. Это было не сожаление, не злость, а какое-то мрачное умиротворение, словно мы были привлечены кем-то бесконечно более значимым для выполнения страшной, но необходимой работы.

Тяжелый был тот год для этой страны: одну из крупных областей, при негласном согласии окружающего европейского сообщества, заполонили орды дикарей из соседней карли-

ковой державы, они убивали местных жителей целыми поселениями, разрушали православные монастыри, предварительно вырезая братию, и много еще чего. Но это было потом, а мы, видимо, застали самое начало этого кошмара и, мало того, стали органической частью его.

P. S. Перед отлетом обратно на родину, вечером того же дня, крепко употребив все той же сливовой самогонки, мы с Аркашей нашли в центре города тату-салон, и каждый наколол себе на левой стороне груди по пять черепов, чтобы никогда не забывать о том, что иногда слово «предназначение» может нести жуткий смысл, что вовсе не означает, что ему можно не следовать.

Бенни Брискин. Третья серия

Все наши люди не религиозны, и необходимость отсидеть за столом, соблюдая этот порядок, для них нелегка, но они по мере сил приходят и слушают историю исхода из Египта и ждут возможности чего-нибудь пожевать и выпить в конце церемонии. Озарение случилось у Юрия. Он решил, что в этом году мы усложним задачу, а не облегчим ее. Он предложил организовать пеший поход в Иерусалим из разных точек Израиля...

РОДИЛСЯ В МОСКВЕ, УЧИЛСЯ В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ИНСТИТУТЕ ИМ. ЛЕНИНА (ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ). В 1985 ГОДУ РЕПАТРИИРОВАЛСЯ В ИЗРАИЛЬ. БЫЛ СОВЕТНИКОМ БИНЬЯМИНА НЕТАНЬЯХУ В ЕГО ДОЛЖНОСТИ ГЛАВЫ ПРАВИТЕЛЬСТВА, МИНИСТРА ФИ-

НАНСОВ, ГЛАВЫ ОППОЗИЦИИ. С 2011 ГОДА ЯВЛЯЕТСЯ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫМ ДИРЕКТОРОМ РОССИЙСКОГО ЕВРЕЙСКОГО КОНГРЕССА. КОЛУМНИСТ ЖУРНАЛА «*Русский пионер*».

1. Пустынные герои

Слышали ли вы когда-нибудь что-нибудь про РЕК? Бьюсь об заклад – или ничего, или очень мало. Российский еврейский конгресс не является обязательной частью официальных мероприятий, его руководители не красуются на фотографиях возле первых лиц на торжественных церемониях. Они тихо дают деньги на различные кажущиеся им важными проекты абсолютно свободно, без рекомендаций сверху. В этой части своей деятельности они свободные люди.

Когда мы сидели с Юрием Каннером (глава РЕК. – «РП») в его кабинете и думали, как будем праздновать Песах³ в этом году, единственное, чего нам хотелось, – это избежать нуд-

---

³ **Песах** или, как произносят это в России, Пейсах – важнейший еврейский праздник. Символизирует исход из рабства к свободе. В Библии рассказывается, что фараон, испугавшись усиления еврейского народа, который был у него в рабстве, начинает всевозможные гонения евреев. Моисей, вождь евреев, просит отпустить его народ на свободу. Но фараон не внемлет его призывам. Тогда Моисей апеллирует прямо к Всевышнему, ведь гонения доходят уже до того, что египтяне собираются убить всех первенцев в еврейских семьях. Бог слышит обращение Моисея и насылает на египтян десять казней, которые должны вынудить их отпустить евреев. Десятая, самая страшная казнь – убиение первенцев. То, что египтяне хотели учинить против евреев, направлено теперь против них самих. Ангел смерти, проходя по Египту и убивая первенцев, обходит дома евреев. Глагол «ли псоах» означает «обойти, миновать». Отсюда название Песах. Христианская Пасха названием своим обязана еврейской, но говорит о другом. Иисус был схвачен римлянами после еврейской пасхальной трапезы (напомним на всякий случай, что и он, и его апостолы были евреями).

ной обязательности. Ведь каждый год мы каким-то образом отмечаем этот важнейший еврейский праздник. Ведь он все о том же – о свободе. И каждый год мы натываемся на те же грабли. Еврейский праздник свободы отмечают Седером⁴. А Седер на иврите – это порядок. Все регламентировано, свобода начинается с порядка.

Все наши люди не религиозны, и необходимость отсидеть за столом, соблюдая этот порядок, для них нелегка, но они по мере сил приходят и слушают историю исхода из Египта и ждут возможности чего-нибудь пожевать и выпить в конце церемонии. Озарение случилось у Юрия. Он решил, что в этом году мы усложним задачу, а не облегчим ее. Он предложил организовать пеший поход в Иерусалим из разных точек Израиля. Я немедленно вспомнил, что в древние времена, когда иерусалимский храм существовал, было принято, чтобы правоверный еврей трижды в году совершал паломничество в Иерусалим. Ну а дальше пошло и поехало. Юра обговорил идею с несколькими нашими людьми. Они согласились поддержать. Еще немного подумав, мы поняли, что идти надо пешком и по пустыне, тогда мы убьем сразу двух

---

⁴ Седер Песах – это та самая пасхальная трапеза, которую изображают многие художники и называют ее Тайная вечеря. Мы, евреи, продолжаем совершать ее каждый год. Порядок проведения трапезы не изменился со времен Иисуса ни на йоту. На Седере отец, старший, глава семьи, рассказывает детям об исходе из Египта. В пасхальной Агаде (инструкции по проведению Седера, существующей более двух тысяч лет) написано, что каждый еврей должен думать, что это он сам спасся от рабства и вышел из Египта. Вот почему мы и решили пережить вместе этот переход по пустыне. Мы будем стараться повторять его каждый год.

зайцев: совершим паломничество и частично переживем то, что пережили наши праотцы под началом Моисея, скитаясь по пустыне в поисках Земли обетованной.

Михаил Фридман (президент «Альфа-Групп». – «РП») подбросил телефон своего знакомого, который ходил в поход по пустыне и знал израильтян, способных организовать это на высоком уровне.

Я позвонил по телефону и понял сразу, что не ошибся адресом. Я почти ничего не расслышал. Шая (так зовут нашего израильского Моисея) действительно находился в пустыне. Позже мне удалось поговорить с ним обстоятельно и договориться о приезде в Москву.

Когда я увидел его в Москве, я вновь подумал, что с ним можно идти по пустыне. Шая выглядел как настоящий библейский еврей. Очень худой и жилистый, длинный и бородастый, с загорелым лицом и кудрявыми спутанными волосами. Прямо персонаж рок-оперы «Иисус Христос – суперзвезда». Он говорил тихо и медленно и производил впечатление человека, живущего в другом измерении. Впрочем, когда мы перешли к практической части проекта, он и его жена Лали проявили себя вполне жесткими переговорщиками, умеющими отстаивать свои денежные интересы.

На предварительную встречу в Москве не все участники проекта сумели приехать, но те, которые пришли, задали все возможные вопросы. Ответы мы разослали всем по электронной почте. План стал ясен. На повторение исхода

из Египта в миниатюре было решено отвести три дня. После окончания путешествия мы решили провести совместный Седер в Иерусалиме.

Один из изъявивших желание принять участие в нашем походе всерьез поинтересовался, надо ли брать с собой охрану, на что Шая ответил, что нет в мире более безопасного места, чем пустыня Арава, пролегающая от Мертвого моря до Эйлата, его люди будут вооружены, и этого вполне достаточно. Кстати, впоследствии спросивший не принимал участия в нашем путешествии.

Второго апреля вечером все участники похода собрались в иерусалимской гостинице «Мамила», а часть из них, включая меня, еще выпивала не спрятанный к празднику виски примерно в час ночи в соседнем отеле «Кинг Дэвид». Следует отметить, что в Иерусалиме перед Песахом убирают из магазинов все квасное (не кошерное к празднику), а большинство ресторанов и вообще закрываются на все восемь дней праздника, чтобы не заморачиваться со сложными законами пасхальной кошерности, так что найти выпивку было непросто. Похоже, бармен вынул свою бутылку из-под прилавка и отдал ее, даже не открыв и не разлив. Свободные граждане еврейской страны не очень умеют прислуживать. Надо сказать, что наши олигархи выдержали это стоически и не церемонясь разливали сами.

А утром в 10.00 все уже были в холле. Мы погрузились в автобус, к нам присоединились двое мужичков с телекаме-

рой и микрофоном и мой друг и замечательный гид Гриша Тышлер, и мы выехали на юг. Спустились вниз к Мертвому морю, с высоты 830 метров над уровнем моря в Иерусалиме до 400 метров ниже уровня моря. Мы проехали вдоль всего Мертвого моря, начиная постепенно погружаться в вечность. Если вы бывали в этих местах, я уверен, вы понимаете, что я имею в виду. К часу дня мы прибыли к точке начала нашего путешествия.

Под деревом с широкой плоской кроной расположился импровизированный лагерь, который раскинул там Шая со своими людьми. Там же мы впервые встретились с верблюдами, замечательными животными, без которых пройти по пустыне приличное расстояние просто невозможно.

Наши проводники вывалили перед нами на выбор различные виды одежды, удобной для передвижения по пустыне. Там были легкие марлевые рубахи и штаны белого цвета, колониальные шляпы с широкими полями, куртки и брюки цвета хаки, белоснежные кафии (головной убор бедуинов, платок, наматываемый на голову).

На костерке уже варили чай из пустынных растений и душистый бедуинский кофе, резали фрукты и овощи, готовили легкий и вкусный ланч перед началом похода. Наши чемоданы, рюкзаки и саквояжи загрузили на верблюдов, мы выбрали себе кое-что из предложенных нарядов и надели на себя, разобрали фляги и бутылки с водой – главный и необходимый атрибут похода по пустыне.

Погода была прекрасной, дул легкий ветерок, и нам не терпелось начать поход. Нас задерживал мой приятель, гендиректор израильского Гостелерадио, просил дожждаться его команду, которая должна была отснять начало паломничества для новостей Первого канала.

Народ уже начал недовольно роптать, все рвались начать маршрут. Наконец маленькая корреспондентка догнала уже начавшую двигаться колонну и задала нам сакраментальный вопрос: «Зачем и на хрена вам все это нужно?» Такой перевод мне кажется наиболее точным. Ответы некоторые из путешественников давали уже на развалинах древнего набатейского города, с которого начинался наш маршрут по пустыне. Набатеи – древний и могущественный народ пустыни, который исчез, растворился в ней много сотен лет назад, оставив лишь руины нескольких поселений.

Именно с этой точки мы начали погружаться в другое измерение, в другой мир, начали чувствовать взаимную близость.

Тут я должен отметить, что не все путешественники знали друг друга, но даже те, кто был знаком, не проводили столько времени вместе. К тому же Миша Фридман позвонил перед походом и, как дисциплинированный член команды, спросил, может ли он пригласить в поход своего друга не еврея. Конечно, ответ был положительным, а когда мы познакомились с Ваге Енгибаряном (бизнесмен. – «РП»), то поняли, что он обогатил нашу команду, внес в наши споры и разговоры

очень интересный элемент.

Шая был несколько удивлен тем бодрым темпом движения, который мы взяли с самого начала. Оказалось, что в наших бизнесменах есть упрямство, воля и нестигаемая жизненная сила. За послеобеденное время мы прошли более десяти километров. Основной трудностью было движение по пересеченной каменистой местности, утыканной колючками и острыми камнями. Не привыкшие к таким переходам ноги натирались даже в дорогих и удобных походных ботинках и кроссовках, которые мы взяли с собой в поход.

Кстати, об обуви и носках, простите за прозу. Это важнейший элемент похода, особенно для людей, не привыкших к хождению пешком. Миша Фридман, например, посмотрев на Шаю и его погонщиков верблюдов, решил идти в сандалиях, и это было не очень правильно, так как на третий день он изрядно натер ноги. Ошибки других паломников были либо в том, что они купили новые ботинки и не разносили их заранее или же использовали тонкие носки, которые не защищали ногу от натирания.

К семи часам вечера, даже несколько раньше, чем ожидалось, мы добрались до места нашего первого привала. Организаторы устроили его не слишком далеко от дороги. Бедуинские шатры уже были установлены, и мы с наслаждением разулись и улеглись на коврах и циновках. Большой популярностью по вечерам пользовались два раскладных кресла, сидя на которых можно было вести беседу, откинувшись на

спинку.

Огромным наслаждением для усталого путника вечером были походные душевые с горячей водой. Ребята подключали генератор за холмиком, и мы по очереди блаженствовали, принимая душ в пустыне. Чистые полотенца в неограниченном количестве, простыни, наволочки и прочее были всегда под рукой. Ребята начинали готовить ужин. Каждый день пекли хлеб по-бедуински на железном противне, называемом табун. Сначала мы получали чай, кофе, фрукты и сладости, а затем уже и суп и второе.

В Москве мы договаривались о том, что в пустыне будем есть рыбу, но бунт подняли Фридман и Раппопорт (Андрей Раппопорт – председатель попечительского совета школы «Сколково». – *«РП»*). Бизнесмен Борис Белоцерковский, например, промолчал. Они не присутствовали на встрече с Шайей в Москве и сказали, что, как истинные украинские евреи, не представляют свою жизнь без мяса. Впрочем, это не помешало им в первый вечер с большим аппетитом съесть отлично запеченную морскую рыбу.

Ближе к ночи с верблюдов сняли две гитары. Вокруг гитар образовались группки приверженцев песен у костра и любителей рока. Последних в нашей группе оказалось намного больше. И когда Юра Зельвенский (Юрий Зельвенский – директор Томского отделения РЕК. – *«РП»*) заиграл песни «Битлз», подтягивать, извлекая из памяти забытые слова, стали очень многие. Израильский гид Гриша, больше два-

дцати лет живущий в Израиле и имеющий квартиру в иерусалимском районе Писгат Зеев, я – израильтянин, родившийся в Москве и на время в нее вернувшийся, несколько фигурантов списков журнала «Форбс» и некоторые другие. Мы спали лучше, чем нам спалось в Москве, и в семь утра все уже проснулись. Нас кормили прекрасным завтраком из местных сыров, фруктов и овощей, наливали пустынный чай из желтых медных чайников, а после завтрака притащили снятый с верблюдов мешок с галабеями. Это длинный белый халат, закрывающий все тело, с длинными рукавами и застегивающийся впереди на пуговицы. Хитрый Шая понял, что клиенты созрели. Мы почти все переоделись в эти одеяния. Не знаю, как остальные, а я ничего не надел под галабею. Решил, что все тело должно проветриваться и именно в этом глубинный смысл пустынного одеяния.

Второй день пути был самым эффективным. Мы прошли больше всего километров. На второй день мы также поняли, что в пустыне торопиться некуда.

Примерно в двенадцать Шая начинал подыскивать удобное тенистое место для дневного привала. Он объяснил нам, что по возможности надо делать его в тени скалы или в пещере, а не под деревьями, так как там намного прохладнее. За время пути мы убедились в том, что это чистая правда. Так, по всей видимости, делали и опытные погонщики караванов во все времена. С двенадцати до трех караваны останавливались для дневного отдыха и пережидали самую лютую жа-

ру. Шая рассказал нам, что закон пустыни, скрупулезно соблюдаемый бедуинами до сегодняшнего дня, говорит о том, что одинокого путника в пустыне надо принять как родного, дать ему еду, питье и ночлег на три дня, и лишь после этого обязательства хозяина перед гостем заканчиваются.

Мы уже втянулись в поход, жара еще не была сильной, а ноги еще не натерлись. Единственный, кто получил серьезные повреждения, был Боря Минц (Борис Минц – совладелец финансовой компании «Открытие». – «РП»). Он держался весь день абсолютно стойчески и прошел весь путь, как все. Вечером у него на ногах были кровавые мозоли. Наши проводники наложили ему повязки и мази, а мы начали отговаривать его от идеи продолжать идти с нами на следующий день. В этот вечер Фридман сказал фразу, которая живо дает представление о трудностях нашего похода: «Великое изобретение человечества – унитаз!»

Да, друзья, поверьте на слово, у нас с собой не было не только джипов с охраной, но и туалетов с унитазом, и мы вынуждены были справлять нужду в пустыне точно так же, как наши далекие предки.

На второй вечер кроме наших гитар израильские ребята достали свои инструменты и играли замечательную протяжную музыку, так подходящую к пустыне. Этим вечером я узнал, что одно из дел, которым Фридман по-настоящему гордится, – это то, что он привез в Москву, на Красную площадь, Пола Маккартни. Лично меня это заставило почти

прослезиться. В этот вечер мы пели с Зельвенским и другими кусочки из рок-оперы «Иисус Христос». Мы помянули и «Дип Пёрпл», и «Лед Зеппелин», а украинские евреи радовались куриным шашлыкам и баранине. Если честно, у остальных тоже только за ушами трещало. Конечно, подвезли уже и виски, и водку. Разговоры оживились, завесы упали. Компания взрослых и много повидавших мужчин обсуждала вопросы мироздания. И то, что нас занимает всю жизнь в той или иной степени. Что такое евреи, чем они отличны от других народов, за что нас не любят и есть ли в этом что-то рациональное. Мы обсуждали и тему богатых и бедных и спрашивали себя о том, сколько надо давать на благотворительность и кому. Суровый еврейский закон повелевает давать не менее десяти процентов. Выполняем ли мы его? Душ и на второй вечер был великолепен, и мы пошли спать немного другими.

Третий день обещал быть физически самым трудным. С утра чувствовалось, что будет очень жарко, а ноги были натерты, хоть немного, почти у всех, да и мышцы побаливали.

Даже Юра Каннер, наш президент, несмотря на то что он опытный ходок (проходит почти каждый день в Москве от офиса до дома по несколько километров), признал, что поход не так уж и легкий.

День третий действительно выдался трудным. Было очень жарко, у многих болели ноги. Было и еще одно новое обстоятельство. По крайней мере у двоих путешественников ост-

рые колючки пробили насквозь подошву обуви и впились в ногу. Человек, с которым такое случается, сначала не понимает, что стряслось. Ведь не поверишь же, что тонкая колючка способна прошить насквозь толстую подошву крепкого ботинка или сандалии. Только сняв обувь и обнаружив кровь на ноге, Миша Симонов (Михаил Симонов – вице-президент РЕК. – «РП») понял, что произошло.

То, что интересно в нашей пустыне Арава, – постоянная смена пейзажей, и это можно увидеть в нашем фильме. Представление о пустыне как об однообразной бесконечной поверхности абсолютно ошибочно. Мы видели тут и немало пустынных зверюшек и птиц. И часто находили на иссохшей и морщинистой земле гильзы. В Израиле не слишком много места, поэтому в пустыне проводят военные учения.

Один раз над нами на высоте метров ста пролетели военные вертолеты, напомнив нам о реалиях нашего времени.

Последний вечер был вкусным, интересным и грустным, как это всегда бывает. Подъехали опять музыканты, поиграли, исполнили даже с нашим Юрой песенку.

Кроме того, нам устроили индейскую баню, главным элементом которой было то, что мы на корточках забирались в темный вигвам, куда затем забрасывались раскаленные камни. Все чувствовали себя одинаково беспомощными, сидя потными внутри, с измазанными в песке руками, которыми было невозможно утереть обильно текущий с лица пот.

Это не помешало нам после душа вновь заговорить о веч-

ном. Спор о еврействе и христианстве не был бы таким интересным, если бы не Ваге. В нашей компании упрямых и довольно подкованных людей он с честью представлял свою позицию. Я рад, что мы познакомились с этим интеллигентным и тонким человеком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.